

ВОСПОМИНАНИЯ
бывшего курсанта ВВПУ товарища Сит-
ника Николая Васильевича.

Родился я 18 октября 1924 года в семье крестьянина-бедняка на хуторе Большой Бетеуг, Брюховецкого района, Краснодарского края, в то время именовавшегося Азово-Черноморским краем.

Дед был очень бедным человеком, всю жизнь до Октябрьской социалистической революции батрачил, много лет занимался пастухом, а отец у него был подпаском.

Родители бедствовали и после революции, хотя и имели участок земли, пару лошадей и корову. Поэтому они не задумываясь в 1929 году вступили в создаваемый колхоз. И с первого же дня до войны отдавали себя работе в колхозе, от зари и до зари несли не легкое бремя клеборобов. Детей в семье было трое, два брата и сестра. Я был старшим. На хуторе имелась начальная школа, которую я окончил в 1935 году. А для учебы в 5 классе нас, колхозных ребят, отвезли в районный центр станицу Брюховецкую. И хотя мы готовились продолжить учебу в другой школе, все же мой отрыв от семьи, родителей, предстоящей жизнью на частной квартире потрясли меня до глубины души, переживал тяжело много месяцев. Моральное потрясение усугублялось тяжелыми физическими испытаниями, которые вызывались еженедельным посещением отцовского дома пешком за 12 км. Дело в том, что ходить к родителям приходилось по бездорожью, часто в распутицу. Из дома нам, ребятishкам 11-12 лет, нужно бы-

ло тащить на себе кошелки с продуктами. В магазинах в районном центре покупать продукты в то время не было принято, да и не за что. Это были изнурительные переходы. В таких условиях постигал грамоту 7 лет. Правда когда подросток, легче было таскать ношу с продуктами.

Учился я прилежно. Сознание подсказывало, что родительскую заботу и личные испытания обязан был оправдать хорошей успеваемостью.

Уже в 6-7 классах принимал активное участие во всех общественных начинаниях. Любил играть в футбол, после уроков и выполнения домашнего задания в составе уличных команд. Рано вступил в Осоавиахим. По инициативе самих ребят в воскресные дни совершали многокилометровые марши в противогазах. Сдал нормы ГТО, ПВХО, ГСО, "борошиловский стрелок", 4 оборонных значка с гордостью носил на своем пиджаке. Все ребята средней школы, да и многие девушки с азартом изучали военное дело, так как хорошо знали, что в Германии свирепствует фашизм, рано или поздно он совершит агрессию против нашей Родины.

Начиная с 9-ти лет каждое каникулярное лето работал в колхозе. Когда был поменьше - ездовым на пахоте, косовице, а постарше - прицепщиком на тракторе.

В марте 1941 года меня приняли в комсомол и сразу же избрали в ученический комитет средней школы.

22 июня 1941 года работая на культивации я услышал от приехавшего бригадира/в поле/ тракторной бригады о том, что началась война. Германия напала на СССР.

От услышанного сердце скалось в комок, мысли рассеивались перед неизвестностью.

Следил за каждой с опозданием доставлявшейся газетой. Полностью прочитал речь И.В.Сталина от 3-го июля 1941 года. С горечью начал узнавать из сводок информбюро о быстром продвижении немецко-фашистских войск по советской территории на восток. Чувствовал, как взрослея, в характере что-то ожесточалось, улетучивалось мальчишество. Меня направили верховым нарочным в сельсовет. Привозил на хутор повестки мобилизованным.

27 августа привез такую повестку своему отцу - Василию Трофимовичу. И вот 1 сентября 1941 года, как и положено, собралась вся наша школа. Обстановка и атмосфера в школе не столько торжественная, сколько возбужденная. Все оживало какими-то новыми обдряющими словами, неизвестно от кого. Учителя были в таком же неведении.

4-го сентября 1941 года меня одного пригласили в военкомат и предложили / именно предложили, т.е. приказать не могли из-за моих неполных 17-ти лет / ехать учиться в авиационно-техническое училище. Но почему меня одного? Я мечтал стать военным летчиком, готовился поступить в авиационное училище. А здесь в-техническое, да еще одного. Хотя бы еще кого из моих товарищей, и наверно согласился. Не пошел в авиационно-техническое училище, надеялся на предстоящий набор в авиационное.

Через день - два комсомольская организация школы избрала меня своим секретарем. Дежурство в райкоме комсомола, отобрали несколько ребят, учили восстанавливать проводную связь. Научился сам это делать, влезать на телеграфные столбы.

3-го декабря 1941 года во время урока немецкого

языка в наш класс /10-й/ вошел посыльный из военкомата и вручил почти всем /10-12/ ребятам, в т.ч. и мне, повестки для явки в военкомат и отправки в часть.

На этом и прервалась наша учеба в школе. Год-два тому назад мы мечтали по-другому. Закончить школу и тогда уже расстаться с нею. И вот мы с Володей Помисарковым, Колей Мятехниковым, Сашей Ковалевым и другими ребятами, человек 30 из других классов в Райвоенкомате. Принял нас лично Военком, подполковник Исаев. Он сказал, что нас направляют в Винницкое Военно-пехотное училище в г. Краснодар. Откровенно говоря, мы все были смущены таким поворотом судьбы. Мы почти все мысленно готовились стать летчиками, моряками. И вот в пехотное училище! Что скажут девушки-одноклассницы.

Но что поделать, это был уже приказ. К вечеру в станицу приехала мама с рюкзаком продуктов, она привезла мне отцовские сапоги, рассчитывая на большой пеший переход, который мне предстоит сделать. Зная жалостливый характер мамы её слезливость, что всегда пробуждало подобную реакцию и во мне я постарался серьезным тоном предупредить её, чтобы она не провожала меня до вокзала, а если будет провожать, то чтобы не плакала.

Она пообещала сдержаться, что в основном она и выполняла.

4-го декабря 1941 года наша группа была в Краснодаре в Винницком Военно-пехотном училище. До этого приходилось много слышать об армейской службе и порядке и дисциплине в войсковых частях. Так что представление о предстоящей новой жизни мы имели кое-какое.

Но то, что с первых минут бросилось нам в глаза

приятно и сильно поразило наше воображение - это территория училища. Чистота и порядок на территории и в казармах. Движение только в строй, ни одного одиночки. Бодрое, деловое с настроением передвижение взводных колонн, немногословные команды командиров и пр. сразу же рассеяли наше представление о пехоте. А подтянутые, в мундирах фигуры розовощеких курсантов в темно-синих бровках в сапогах просто вызвали настоящую зависть к ним.

Ну, а ротные колонны двигавшиеся, как непреклонное правило, с песнями, поистине зажигали любовь ко всему что было в училище. А какие песни разучивали и пели в строю роты! Не примитивные вроде "Наша школа полковая..." Такие песни пели новички. Каждая рота разучивала современные, патристические, вдохновенные песни. По памяти - "Беллоруссия родная, Украина золотая...", "Мы не дрогнем в бою за отчизну свою...", "Страны небывалой, свободные дети, сегодня мы гордую песню поём...", "За дело правое горящей лавой, мы вражьи полчища сметем..."

А потом - "Бородино" и др. Мы знали, что в 1-м или 2-м батальоне в одной из рот "Бородино" курсанты разучивают под личным руководством заместителя начальника училища подполковника А.А. Максимова. А потом эту песню подхватывали и другие роты.

Моральная атмосфера в училище отличалась приподнятостью, боевитостью, уверенностью. Потом десятки сотни раз осмысливал, пытался объяснить с собой: чем же училище покорило меня - деревенского паренька, а в последующем бывалого солдата, офицера судьба которого провела через многие, многие воинские коллективы.

Убежден-высочайшим патриотическим и боевым настроением, четким размеренным порядком высокими эрудицией и военной культурой абсолютного большинства штатных офицеров, под чье безраздельное влияние мы попали с первых минут пребывания в училище.

Трое суток положенного пребывания в карантине после чего из нашего набора были сформированы 9-я, 10-я, 11-я, 12-я роты 3-го батальона.

Разбили нас по ротам, взводам и отделениям. В наш 3-й взвод 12-я рота командиром был назначен л-нт Лепезин /или Липезин/ имя которого, как и других средних командиров, мы никогда не знали, не принято было.

Лейтенант Лепезин по каким-то, только ему известным признакам, подобрал командиров отделений, помкомвзвода. Представил их своим отделениям и взводу, и через неделю приказом начальника училища младшим командирам были присвоены сержантские звания. Командирам отделений - звание сержант, а мне как помкомвзводу - старший сержант. Таким образом мне по сути дела почти с первого дня службы пришлось выполнять обязанности командира, учиться военному делу самому и учить своих товарищей. Началась нелегкая курсантская учеба и в основном в поле.

Требования на занятиях, как в полевых, так и классных предъявлялись суровые. Если не ошибаюсь, то в распорядке дня занятия занимали 10 часов.

Зима в 1941-1942 гг. выдалась на редкость морозной и снежной. Но она не нарушала четкого ритма боевой подготовки. Никто не сетовал на нагрузку, не "пищал". Все мы ощущали дыхание войны, линия фронта проходила в 300-х км. от Краснодара у Ростова, в Крыму.

Курсанты знали, что скоро и они в качестве командиров вступят в бой.

Может быть то, что сейчас скажу, мое субъективное мнение. В течение зимы 1941-1942 гг я ни разу не видел улыбок на лицах курсантов и сам забывал, что такое смех, шутки. Нам было всего по 17. Но все как один посерьезнели. Напряженная работа-учеба, у ворот Кубани стоял враг. Эти обстоятельства породили гнетущую тревогу в наших сердцах и умах.

Однажды на вечернюю проверку в роту пришел командир роты ст. л-нт Кузнецов. После доклада старшины роты о результате проверки ком. роты заговорил с нами о чем-то необычном. Он примерно так обратился к строю:

" Товарищи курсанты! Смотрите на все лица у вас хмурые. Не пойму в чем дело? Питание в столовой хорошее, курсантский паек ведь куда лучше, чем паек рабочих".

Своего командира роты курсанты любили как родного отца или мать. Это был высокообразованный, культурный, душевный человек. О нем много можно сказать. И даже после такого обращения своего командира, лица курсантов были строгими, серьезными от морального напряжения, а не потому что как полагал командир роты, будто не порядок с питанием. Питание было превосходным.

Кстати, когда в июле 1942-года училище направилось на фронт у ст. л-нта Кузнецова, наверное, как у многих других командиров, в Краснодаре осталась жена и маленькие дети. Это мы знали точно. Однажды строй роты отдавал ему честь, в то время, когда он стоял на улице с маленьким ребенком на руках.

Аэродром в Краснодаре был действующим. На нем круглосуточно ревели авиационные моторы, звук их мы постоянно слышали даже в казармах, т.к. училище располагалось на северной окраине города, недалеко от аэродрома.

В январе-феврале училище, в основном в ночное время, выходило вместе с трудящимися города на расчистку аэродрома от снега.

Однажды наш батальон вывел на аэродром для работ по очистке ВПП, РД от снега, когда мороз стоял 30°. Утром по возвращении в казарму обнаружили обморожения ушей, лица, пальцев рук и ног у 60-70% курсантов. Но никто не нынул об этом, ни один человек не побежал в медсанчасть за помощью. Обошлись сами. Это было первое испытание на физическую выносливость и "терпимость".

2 февраля 1942г. наша рота приняла присягу. Картина этого церемониала стоит и сейчас в глазах.

На принятие присяги приходили по-званию в учебный корпус. Присягу принимали, как и положено, с винтовками, принятие присяги от курсантов вел ком. взвода ст. л-нт Лелезин. и сохранил свою первую красноармейскую книжку, подписанную ст. л-том Кузнецовым и записью для принятия присяги. Об учебных буднях писать не буду.

В марте 1942 года почти всю роту, в составе эшелона, отправили на фронт, нам говорили под Москву - в Подольск.

Меня, как сержанта, оставили в училище. В мае 1942 года, нашу роту уже нового состава, в составе сформированной курсантской бригады, направили на Таманский полуостров. И опять всех сержантов, в т.ч. и меня, оставили учиться в училище. Все мои земляки-одностаничники уехали на

фронт. и тяжело расставался с ними. Наша учеба продолжалась. В мае 1942 года наши войска оставили Крым.

Краснодар буквально заполнили отступившие части всех родов. в училище был образован 4-й батальон /13-16 роты/, кажется пулеметный. и уже учился в 9-й роте минометной. в конце июня начале июля 1942 года 3-й батальон начал готовиться к Государственным экзаменам. в эти дни в училище приехал ансамбль песни и пляски Северо-Кавказского военного округа и давал концерт для курсантов. На задней стене сцены клуба висел плакат. - "Привет выпускникам". и впервые в своей жизни смотрел военный ансамбль и, наверно, как и другие, сидел зачарованный мастерством певцов и танцоров.

Наступили дни Гос. экзаменов по 5-ти основным дисциплинам. как тщательно мы готовились к ним, десятки раз перечитывали статьи уставов и наставлений.

Сдали один экзамен, второй. Осталось три дня до полной сдачи экзаменов и мы - средние командиры, лейтенанты.

Но вот 11-го или 12-го июля рота выходит после завтрака из столовой, строится и от спешащего куда-то командира роты мы узнаем, что поступил приказ училищу погрузиться в железнодорожные эшелоны.

Со складов "НЗ" нам выдали винтовки, боеприпасы. затем долго грузили в основном ящики с патронами в ж.д. вагоны. 12-го июля наш поезд выехал из Краснодара. Сутками раньше выехал эшеломом 1-й батальон.

И вот без трех дней лейтенанты покинули казармы в прекных курсантских званиях.

3-й батальон - это были готовые командиры взводов

Куда направлялся эшелон никто не знал. Поезд шел очень медленно, ехали в теплушках. Проехали Тихорецк, Сальник, Котельниково. Впереди Сталинград. Станция Тундутово /ныне канальная/ маленькая, тихая. 19 июля эшелон остановился. На перроне аккуратно в штабелях сложены каски. Здесь же сдаем курсантские фуражки и получаем каски. Срезаем малиновые петлицы с гимнастеров и пришиваем на их место зеленые полевые. Еще в пути меня зачислили во взвод автоматчиков и выдали мне вместо винтовки автомат ППА. Таким образом наш эшелон проехал от Краснодара до Тундутово без приключений в том смысле, что фашистская авиация не бомбила поезд. Хотя во многих местах и особенно у мостов бросались в глаза многочисленные воронки от бомб.

После выгрузки батальона из железнодорожных вагонов он по-ротно направился в сторону отв. д. линии. В 2-х км., а может в 1-м км. у речушки Червленая батальон расположился на отдых. Наш взвод автоматчиков разместился прямо на берегу речушки. Вот здесь мы и провели первую фронтую ночь. Была середина лета, стояла сухая теплая погода. Курсанты спали прямо на земле, густо поросшей полынью.

Спали крепко. А днем готовили себе завтрак. А так как было тепло, кругом тихо и спокойно, курсанты начали раздеваться и купаться в Червленой, кое-кто стирал обмундирование. И так мы провели 3-4 суток

все роты училища расположились вдоль полотна ж. д., некоторые прямо в соседнем со станцией селе Червленое.

По вечерам мы слышали как некоторые роты куда-то передвигались с песней "Бородино", в степи она слышалась далеко.

Фашистская авиация совершала массовые налеты на Сталинград и по ночам мы сидя на берегу речки, наблюдали многие десятки прожекторных лучей обшаривающих небо. Потом с запада начали доноситься раскаты артиллерийских залпов, а в ночных облаках отсвечивались сполохи артиллерийской стрельбы. Становилось ясно, что фронт приближается, немцы форсировали Дон.

Суток через 3-4 под вечер курсантский полк был выстроен в маршевом порядке и двинулся вдоль жел. дороги на юг. Потом колонна свернула влево и на рассвете достигла Тигутинского лесничества. И сразу же южнее лесничества вдоль степной возвышенности полк растянулся в линию на несколько километров и начал окопываться.

Не успели курсанты отрыть окопы в полный рост, как фашисты обнаружившие полк, открыли по нему ураганный огонь минометный и артиллерийский огонь, и вели его часа полтора. Насколько нам было известно урона полку немцы не нанесли. Это было первое боевое крещение для нас. Однако события первого боевого дня только начали развертываться. Примерно к обеду я закончил копать свой окоп в полный рост/грунт попался из окаменевшего известняка/. И только сел на бруствер отдохнуть, как над моей головой небо раскололось, а земля подо мной загрохотала извержением. кругом треск грохот, скрежет. Промелькнула мысль: -не разошелся ли земной шар на две половины. Невольно голова втиснулась в плечи. Постепенно в память начало проясняться: нам же говорили о том, что есть такое оружие "катюша". Оглядываюсь, метрах в 300-400 на опушке

лестничества клубы пыли и дыма, из которых медленно вылезали 4 установки. Этот совершенно неожиданный для нас еще необстрелянных, залп "Катюш" произвели через наши головы.

Оттого и соответствующие ощущения. Минут через 20 еще не осела пыль на месте залпа, как в небе над лестничеством появилось 18-20 немецких бомбардировщиков.

Бомбардировщики выстроились по кругу и начали с пикирования ожесточенно бомбить место где стояло облако пыли от залпа "Катюш". Это был грохочущий, свистящий, воющий "рой" фашистских бомбардировщиков. Подобную картину впоследствии пришлось наблюдать и ощущать много раз.

В небе было полное превосходство фашистской авиации. Через сутки 3-й батальон снялся со своей первой линии обороны и двинулся по долине в восточном направлении в сторону совхоза "Привольский". Километрах в шести от Тигутинского лестничества на восток батальон занял оборону по всей длине холма, обозначенного на фотографии. Наш взвод автоматчиков окопался в районе глубокого, с крутыми скатами оврага, в котором саперы построили блиндаж для КП командира 3-го батальона капитана Марголина.

Почти месяц мы держали оборону на этом рубеже. Полку были приданы 12 установок "Катюш" и ствольная артиллерия 76мм пушек. Наш взвод автоматчиков, почти каждую ночь уходил в разведку передовой линии немецких войск.

Это были тяжелые, изнурительные вылазки. Нашим отделением командовал и неизменно вел в разведку сержант Кузьменко, из Днепропетровска. С начала отделение выходило из своих окопов, собиравшись в овраге. Затем мы отправлялись к КП курсантского полка, где сержант Кузьменко получал от

от начальника разведки полка задание. С наступлением темноты мы уходили в разведку. И так почти каждый день.

Однажды под вечер все автоматчики почему-то собрались в овраге у КП батальона. Это было в один из дней когда полк вел бой в окружении. Внезапно по всему кольцу немцы открыли яростный огонь из всех видов оружия. Мы инстинктивно бросились вверх по крутому обрыву оврага и увидели в воздухе два советских боевых самолета идущих со стороны Сталинграда на юг. Самолеты шли брзющим полетом и стремительно приближались строго в направлении КП 3-го батальона. Один самолет был подбит фашистами, опрокинулся в воздухе и упал в 200-300 метрах от места, с которого курсанты и офицеры наблюдали эту картину.

Самолет упал на гусеничный артиллерийский тягач. Летчик погиб, а тракторист, к счастью, в это время был где-то в другом месте. В августе 1980 года, т.е. через 38 лет группа бывших курсантов посетила эти места и не месте падения самолета нашла остатки самолета и две 23 мм авиапушки.

22 или 23-го августа 1942 года наш командир взвода л-т листов приказал выйти из окопов и каждому автоматчику занять позицию по краям обрыва. Таким образом, взвод занял оборону по периметру оврага, взяв под защиту КП командира взвода. Фашисты вскоре открыли со всех сторон бешеный огонь из всех видов оружия по оборонявшемуся батальону и прицельный огонь из 6-ти ствольных минометов по КП батальона.

Курсанты, в частности автоматчики, стойко оборонялись, дружно вели огонь по немцам. В 10 метрах от меня разорвалась фашистская мина, я еле успел пригнуть голову

в окоп, к сумеркам немцы приостановили атаки, огонь с обеих сторон стих. Лейтенант Листов объявил, что в 24.00 курсантский полк начнет выход из окружения.

Начали собираться, собственно автоматчикам что было собирать: автомат на ремень, скатку за спину, и гетов. Вокруг стрельба прекратилась, все стихло.

На дне окопа, рядом с блиндажем КП 3-го батальона в свежевырытой яме, что-то делали офицеры штаба. Сержант Кузменко сказал, что ему закапывают документы штаба 3-го батальона. Были ли закопаны документы или не были, не видел. При поездке на это место в 1980 году с группой бывших курсантов училища, с трудом нашел памятный окоп, и совсем легко установил место, в котором должны были быть закопаны документы. При раскопках обнаружить их не удалось. Хотя по всему было видно, что раньше нас здесь никто не пытался делать раскопки.

В полночь взвод автоматчиков, другие подразделения, штаб батальона — колонной двинулись по окопу на юг. Метров через 500-600 колонна вышла на дорогу по которой когда-то полк выдвинулся на оставляемый участок обороны из лесничества, и повернула направо, в сторону того же лесничества.

Еще вечером нас предупредили, что выходить из окружения будем под азимутом 315° . Курсанты отлично умели ориентироваться на местности.

Ночь стояла безветренная, звездная на небе серп луны. Когда я услышала это учебное "двигаться" под азимутом 315° как-то подумалось, а зачем это?

Идти придется по дороге, да еще с такой массой людей вместе. вроде бы не обязательно каждого предупредить об этом.

Когда батальон вышел на дорогу, там уже выстроилась длинная колонна других батальонов полка приданные артиллерийские подразделения и бесчисленное количество конных повозок.

Никто не курил, разговоров было не слышно. Колонна двинулась тихо. С километр мы шли по дороге, а затем колонна свернула с дороги на северо-запад, по бездорожью по сыпучему песку или ускоренным шагом по холмистой местности. Теперь я понял зачем должен знать курс движения.

Впереди и с флангов колонны началась стрельба, которая длилась не менее часа. В один из моментов справа в стороне я увидел группу бойцов возле которой стоял легковой автомобиль "Эмка", командира полка И. Мельдера.

Меня охватило такое любопытство, что же там делается. Я молча вышел из строя и подошел к той группе. Подошел и увидел картину: наши разведчики схватили фашиста, здоровега, изрядно выпившего, без головного убора. Здесь же стоял полковник Мельдер и допрашивал немца. Чуть в стороне на земле лежал наш разведчик и тяжело стонал.

Подошел к нему, спросил что с ним. Он показал на свою ногу выше колена, видно ранен был в кость. Вернулся к группе разведчиков в тот момент, когда полковник Мельдер спросил у немца: "Где офицер?" Тот молча улыбался. Последовал этот же вопрос вторично. Фашист улыбался, молчал. Полковник Мельдер энергично поднял автомат, занес его над головой фашиста и с силой нанес удар по его го-

левой фашиста, с силой нанес удар по его голове, потом второй удар такой силы, что из автомата выпал магазин с патронами. Фашист упал замертво.

Разведчики сели в машину командира полка и уехали. Я оглянулся кругом и понял, что стою один в безмолвной ночной степи. Пока удовлетворял свое любопытство колонна полка ушла настолько, что ее нисколько не было видно, но и не слышно тарактенья повозок.

А стрельба вокруг. На войне с тысячами солдат случались самые непредвиденные события и обстановка. Для одних они заканчивались благополучно, для других — необратимым. Мое душевное состояние, самочувствие юности еще не видавшего жизни, в этот момент трудно описать. Воспитанный советскими родителями, школой комсомола в духе беззаветной преданности своей Родине, готовности к самопожертвованию во имя ее интересов я какое-то время стоял, измученный боевыми доспехами солдатским снаряжением, автоматом, содрогаясь от мысли, что в любой момент что-то может произойти, негодую на себя за то, что отстал от полка.

Надо догнать! Но куда двинуться? Дороги нет, кругом холмистая песчаная степь. Вот когда солдату пригодилась наука топография и услышанное вечером "Азимут 315". Быстро определил в ночном небе полярную звезду, стал лицом к ней, под прямым углом вытянул левую руку, мысленно прорчертил пополам этот прямой угол... вот и направление куда пребывать.

Догонял примерно час, и все же слышал, а потом увидел повозки полкового обоза. Догнал! Но сил, казалось, уже не было идти дальше. Подошел к одной повозке

и не просил ездового взять меня. Видишь в повозке раненные, некуда сесть". Все повозки были забиты ранеными и я не стал больше просить подвезти меня. Решил догнать свой взвод, что скоро и сделал. Там моего отсутствия не заметили.

Вдруг послышался огромнейшая залп множества "Катюш". В километре, а может быть и ближе, по линии фашистских войск начали взрываться термитные снаряды. Со стороны это было красивейшее зрелище — масса огромных огненных фонтанов. Это "Катюши" обеспечивали выход полка из окружения.

Впереди интенсивная стрельба, но полк безостановочно двигался в заданном направлении уже по дороге.

Начало рассветать, колонна свернула с дороги, дорога была заминирована нашими саперами и минерами, и как-будто развернутым фронтом двинулась еще северо-западнее по бездорожью.

С пехотой смешались сотни повозок с ранеными боеприпасами, кухни.

Вдруг рядом со мной оказалась догнавшая колонну легковая автомашина командира полка и в открытую дверцу увидел в ней полковника Мельдера, который как-то особенно участливо и заботливо сказал: "Ребята, спокойно! Я с вами!" Для меня лично его слова прозвучали по-отцовски и предельно ободряюще. "Батя с нами". Он хорошо понимал душевное состояние курсантов, уставших и, конечно, тревожившихся мыслями об исходе прорыва.

Эти слова "Ребята, спокойно! Я с вами" и голос командира полка врезались в мою память навсегда. И много

много раз рассказывал своим сослуживцам и родным впоследствии.

Командир последним оставляя опасный участок, опасную зону, не оставил своих питомцев, был вместе с ними в их гуще, подбадривал их. По рассказам, в те времена случалось и по-другому.

Когда совсем рассвело, фашисты будто спохватились, открыли бешеный огонь из шестиствольных минометов по уходящему полку, но мины ложились далеко позади.

Вот и железнодорожная линия. За нею наши танки. Часам к 10-ти полк прибыл к станции Тундучево - своему первому расположению после прибытия из Краснодара.

Поздно вечером этого же дня курсантский полк был поднят и двинулся на с.Ивановку. Провали Ивановку, марш не заканчивался. На следующий день привал, собирались с силами, подходили отставшие группы курсантов.

Вечером опять команда сбора, построения и марш. Полк получил приказ закрыть брешь в нашей обороне, образовавшуюся восточнее станции Тундучево, в 5 км. Колонна полка вошла в урочище, в котором до войны находился дом отдыха одного из Сталинградских заводов. Ни одного здания там не было целого. Стояла еще ночь. Когда чуть рассвело мы позавтракали. В ход пошел сухой паек, надо сказать, что все время участия училища в боях в июле-августе питание было налажено отлично, не в пример соседним частям. Вот и сейчас поели мясные консервы, настроение после ночного перехода поднялось. Минут через 15-20 противник открыл по нашим подразделениям, еще не окопавшимся, ураганный артиллерийский огонь, Ночной пе-

ревод полка он не заметил, а вот сейчас каким-то образом обнаружил его и как в отместку не жалел снарядов. Как только обстрел закончился, все батальоны и роты развернулись в боевые порядки прямо в роще и пошли в наступление в заданном им направлении. Начался бой. Это был день 27 августа 1942 года.

Наш взвод автоматчиков видимо был оставлен новым командиром батальона /капитан Марголин при выходе из окружения ночью случайно попал под нашу пушку, при этом сломал ногу. Об этом мне написал однополчанин Власов из города Алексина Тульской области в письме 1973 году / в резерве и мы, человек 15 остались вблизи окопчика к-ра батальона. Роща опустела. В ней в блиндаже расположился КП полка.

Примерно через час в роще стали появляться раненые, которые могли самостоятельно двигаться и направлялись в перевязочный пункт. Запомнил такую картину: идет курсант с перебитой у самого плеча рукой. Рука держалась по-моему только на рукаве. Через некоторое время прошел другой курсант со срезанной осколком щекой. Видны даже окровавленные зубы вместе щеки. Мимо нашего взвода прошли еще раненые. Появился наш командир взвода, выпускник училища лейтенант Листов. Сказал, что в щели одной из рот образовалась брешь и в нее устремились немецкие автоматчики.

Взводу приказано закрыть брешь и уничтожить прорвавшихся фашистских автоматчиков. Вышли из рощи и двинулись вверх по оврагу. Когда выбрались из него увидели справа впереди в километре наступавшие курсантские роты. Роты быстро двигались развернутыми стрейми, как на учении, на линию немецкой пехоты.

Впереди взвода метрах в 200-300-х появились не-

мецкие автоматчики. Мы залегли и немедленно открыли огонь по немцам. Лейтенант Листов поднялся во весь рост и открыл огонь из автомата по фашистам. Мы вели огонь лежа. Не забуду, как л-нт Листов после одной автоматной очереди воскликнул: "Есть один!"

Немцы так же вели бешеный огонь по нашему взводу. Как-то глянул в сторону Миши Сухова, он метрах в 50 от меня стрелял стоя. И вдруг он как подкошенный упал ничком. У меня оборвалось что-то внутри - неужели друг убит?

Первая жертва во взводе в этот день. Но к моей великой радости Сухов поднялся и быстро пошел в мою сторону. Подожел зажав рукой свой нос, он разжал пальцы и я увидел сквозное ранение его носа. Миша безудержный весельчак выругался и сказал: "Больше всего боялся изуродованного носа!" л-нт Листов крикнул Сухову, чтобы тот шел на перевязочный пункт. Сухов ушел. Во взвод по оврагу пробрался л-нт Туркиджи, ставший заместителем к-ра батальона. В училище он был командиром взвода, нашей 12-й роты, одним из грамотных и любимых курсантами.

Он и л-нт Листов подняли автоматчиков в атаку. Падает замертво курсант, сраженный пулей. Впереди окопы и блиндаж, точнее дзот. Броском достигли их. Окопы и дзот добротные, приготовлены были сталинградскими рабочими заблаговременно до боев в этом районе. Я со старшиной Губановым прыгнул в окоп. Рядом по бокам дзота залегли л-нт Листов с несколькими курсантами. Л-нт Туркиджи на фланге далеко впереди. Чуть впереди на флангах взвода два расчета станковых пулеметов ведут огонь длиннейшими очередями, даже не очередями, а выпаливали без запинок всю ленту. Эти пулеметчики-все туляки, прибывшие в училище весной

1942 года. И вот перед фронтом взвода показалась цепь фашистских автоматчиков, расстояние до них 300-200 м. Стреляют на ходу непрерывно. Над нашими головами сплошной свист пуль. Спокойно прицеливаюсь в бегущего в нашу сторону фашиста. Очередь, фашист падает, еще очередь еще... ладнокровно ведут огонь все наши автоматчики. Л-нт Листов непрерывно что-то говорит и вместе с нами стреляет из автомата.

Немцы залегли и ведут огонь. До сих пор при воспоминании этого боя в ушах слышатся какие-то двойные очереди, со стороны фашистов, и рядом с тобой с боку, впереди, сзади.

Впечатление такое будто серия пуль, поднимающая в пыльной степи пылю бисером-разрывная. Слышны отдельные выстрелы снайперов.

Сколько продолжалась эта перестрелка, не помню. Потом она прекратилась. От ближайшего "Максима" поднялись двое курсантов и бегом направились к блиндажу, к л-ту Листову. Мы с Губановым хорошо слышали, как они говорили л-ту о том, что третий их товарищ тяжело ранен в обе ноги и в бок. Им нужно помочь перенести его в укрытие, т.к. пулеметы и их расчеты расположились просто на земле, не окопавшись даже в малейшей степени. Слышу голос л-та Листова: -"Сытник, иди!" Я вылез из окопа и побежал вместе с пулеметчиками к пулемету. Добежав, вижу картину: у пулемета на раскинутой плащпалатке на спине лежит белокурый, круглолицый парень с открытыми живыми глазами. Понял, что товарищи пытались унести его с зоны обстрела, но что-то у них не получилось. У пулеметчика ранены обе ноги, ранение в бок. Его товарищи сказали будто навоеся у него взор-

валась граната. Как он мог остаться живым?! Подняли его на плащпалатке. Фашисты открыли по нашей группе огонь. До них 100-150 метров. Кругом на песке рикошеты от пуль. Слышны отдельные выстрелы снайпера. Во время переноса раненого пулемутчика в укрытие был ранен и я, фашистская пуля пробила левую руку.

Старшина Губанов сделал мне перевязку и я продолжал вести огонь из своего автомата. Через некоторое время мне стало плохо и я сказал об этом л-ту Листову. Он приказал мне отправляться в рощу на перевязочный пункт.

Вышел из окопа и направился в сторону одиноко стоящего танка. А в сторону передовой, в лощинке стоял в полный рост л-нт Туркицкий, прицеливался и, как в тире, спокойно стрелял из винтовки по перебегавшим фашистам.

Увидев меня он крикнул: "Сытник, ты куда?" Я поднял перевязанную руку и он махнул, мол иди.

В роще нашел окопчик, в котором у телефонного аппарата находился командир батальона и телефонист. Доложил ему о своем ранении. Комбат расспросил меня о том, какова обстановка у автоматчиков, я ответил. Потом комбат говорит: "Сынок, давай свой автомат, и иди в землянку перевязочного пункта. Немцы все время обстреливают нас из минометов. Только сейчас прекратили огонь". Снял автомат, передал его комбату в окопчик. В 1968 году нашел тот окопчик, уже заросшим.

Вышел на какую-то дорогу, пошел в сторону КП полка. В это время из блиндажа вышел полковник Мельдер, прошелся вдоль блиндажа и опять спустился в него. Это была последняя встреча со своим начальником училища -

-командиром полка. Его внешний вид приятно обрадовал одет был так, каким мы привыкли видеть его в училище. Вошел в блиндаж, в котором регистрировали раненых. Сделали перевязку и почему-то без премедления нас троих двух легко и одного тяжело, раненых на конной повозке отправили в медсанбат. В нем знакомая по Краснодару медсестра посоветовала остаться в медсанбате. Но врач сослался на то, что у меня сквозное ранение распорядился направить меня в тыл в госпиталь.

Из госпиталя выписался 10 октября 1942 года. Был направлен в запасный полк в г. Пугачев Саратовской области. В конце 1942 года были образованы Окружные снайперские школы, в одну из них меня направили для подготовки снайперов для фронта. В звании был старшим сержантом.

Вскоре мы узнали о разгроме фашистов в Сталинграде. В снайперской школе прослужил до конца войны. В марте 1947 года демобилизован. Приехал в Ростов-на-Дону, поступил работать на возрожденный Ростельман в литейный цех ковного чугуна. В декабре 1948 года вступил в ряды КПСС. В 1952 году был назначен мастером плавильного отдела. В этом же году мне присвоено офицерское звание.

В марте 1953 года призван и зачислен в кадры Советской Армии, стал политработником ВВС, авиационных технических частей. Заместитель командира роты политчасти, секретарь парторганизации войсковой части, пропагандист.

Более 15 лет - заместитель командира авиационной технической части по политчасти. Полковник. В декабре 1975 года уволен в запас.

С 1976 года работаю секретарем парторганизации на
Ростовском заводе стройматериалов №3.

Две дочери-замужем. Оба зятя авиаторы-майоры.
3-го апреля родился /1981года/ четвертый внук.

Н.В.Сытник 26 апреля 1981 год
подполковник запаса

Верно:

Секретарь Совета
Ветеранов ВВТУ
Гв.Майор Анисимов А.И.

А. Анисимов

Домашний адрес: 344018, город Ростов на Дону
улица Подбельского
дом 82 кв.167
СИТНИК Николай Васильевич